

ШАРЛОТТА ЛАННЕБУ • МАРИЯ НИЛЬССОН ТОР

АСТРИД И АМИР

ТАЙНА СЕКРЕТНОГО КОДА

Шарлота Ланнебу
Астрид и Амир. Тайна
секретного кода
Серия «Вредная девчонка», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68520309

*Астрид и Амир. Тайна секретного кода / Шарлотта Ланнебу: Азбука-Аттикус; Москва; 2022
ISBN 978-5-389-22156-7*

Аннотация

Книги известной шведской писательницы Шарлотты Ланнебу хорошо знают во многих странах. Её герои – обычные мальчишки и девчонки, про которых писательнице известно всё. И поэтому придуманные ею истории всегда очень правдоподобны и увлекательны.

В этой книге Астрид уже третьеклассница. В начале учебного года в класс приходит Амир – новый ученик. Он задумал создать агентство по выявлению шпионов и предложил Астрид быть его напарником. Астрид сразу же соглашается. Она уверена, что их ждут необычайные приключения!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Шарлотта Ланнебу Астрид и Амир. Тайна секретного кода

Astrid & Amir

Text © Charlotta Lannebo

Illustrations © Maria Nilsson Thore

© Мяэотс О. Н., перевод на русский язык, 2022

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

Machaon®

Художник Мария Нильссон Тор

* * *

Глава 1

Хорошо иметь свою собственную комнату! Наконец-то у меня появилось спокойное местечко – только моё и ничьё больше. Здесь я сама решаю – закрыть дверь или нет. Чаше – лучше закрыть. На дверную ручку я повесила такую бумажную висюльку, как в гостиницах с надписью «Не беспокоить!». Иногда я её поворачиваю другой стороной, где написано: «Пожалуйста, уберите мою комнату!» Но тогда мама говорит, что свою комнату я должна убирать сама.

Самое главное, мне не надо больше делить комнату с моей сестрой Бланкой, она такая чистюля, ей только дай всё разложить по полочкам. И она вечно жалуется на меня и называет мой порядок беспорядком. Вот пусть теперь командует на первом этаже, в бывшем закутке старшего брата Данте, и наводит порядок на своём письменном столе. Только ей там не видать покоя, потому что другой наш брат Юлле живёт в комнате напротив, а он самый неугомонный в нашей семье. Особенно теперь, когда начал учиться в гимназии и жутко много о себе возомнил.

Накануне первого дня учёбы в третьем классе я закрыла дверь в свою комнату и повесила табличку «Не беспокоить!». Мне необходимо было срочно отдохнуть от всей нашей семейки, которая досаждала мне больше обычного, потому что шум в доме стоял ужасный. В гостиной мама

неистово пылесосила, она всегда этим занимается перед началом рабочей недели. Папа громко вздыхал в коридоре, пытаясь придумать, как развесить наши пальто и куртки и расставить мамину сотню пар обуви, чтобы навести хоть какой-то порядок. Юлле яростнее обычного стучал на своих барабанах, а Бланка так громко хихикала с подружкой Натали, что в ушах звенело.

Но в моей комнате царили тишина и покой. Я растянулась на полу. Смотрела на жёлтые обои в цветочек, которые наклеил папа, на львино-жёлтый пол, который мы с мамой сами покрасили, и время от времени проводила рукой по восточному ковру, который достался мне от папиных бабушки и бабушки — он давно пылился у них никому не нужный в подвале. Прошлым летом я упростила папу купить мне на блошином рынке зелёную книжную полку, теперь она прогнулась от книг, взятых в библиотеке.

Только я собралась сесть с книжкой и почитать, как до меня долетел рёв Юлле под барабанную дробь, да такой громкий, что было слышно даже через закрытую дверь.

Я поднялась с пола и включила музыку, чтобы заглушить шум. Запела Мисс Ли¹. Теперь, когда у меня есть своя комната, я могу слушать музыку так громко, как захочу, и какую захочу, и Бланка уже не посмеет переключить её на что-нибудь другое.

Когда снова воцарился покой, я поняла, что последний

---

¹ Шведская певица. (Здесь и далее прим. пер.)

день летних каникул получился не так уж плох. Теперь самое время устроить час раздумий. По оконному карнизу застучал дождь — для меня это лучший звук на свете. Я смотрела на крыши домов на другой стороне улицы. Деревья на лужайке роняли жёлтые листья, и те кружились в воздухе. Я перевела взгляд на ворота нашего гаража и мопед Юлле, на котором он этим летом разрешил мне пару раз прокатиться. Это и правда было очень мило с его стороны. Рядом с мопедом мокла под дождём спортивная сумка Юлле.

Как хорошо, что я теперь свободный человек и могу заниматься чем хочу, а не торчать с другими детьми на продлёнке. Осенью я наконец-то начну учиться играть на барабанах. Постараюсь больше заниматься гимнастикой. И прочту все книги, которые взяла в библиотеке.

Но главное – я снова встречаюсь с Марьям, моей лучшей подругой. Мы не виделись целое лето. Марьям со своими родителями отдыхала на каком-то дорогом курорте. А мы всё лето провели на природе – маме нравится простой образ жизни. Вот такие у нас разные родители.

Мы с Марьям тоже разные, но это не важно, мы выросли вместе и дружим с детского садика. Мама рассказывала, что однажды, когда нам было по три года, мы так перепачкались краской, что ей пришлось отмывать нас обеих. Мы лучшие подруги и видимся почти каждый день. Играем в карты или на планшете, что-нибудь печём, собираем мозаику, пробуем косметику её сестры. Иногда Марьям затевает танцы, но это мне не очень-то нравится, и тогда я стараюсь думать о чём-нибудь своём или просто сажусь почитать. А ещё мы гладим её пёсика Гудиса и выводим его на долгие прогулки.

Но чаще всего мы с Марьям просто разговариваем, хотя я не из болтушек, но, когда мы вместе, слова из меня так и просятся. Мы можем часами трепаться по телефону, и у нас всегда найдётся, о чём поговорить. Однажды мы так долго разговаривали, что пришёл папа и буквально оторвал телефон от моего уха, это был его мобильник, и ему надо было срочно позвонить по работе.

– Пятьдесят пять минут! Невероятно! О чём можно столько говорить? О мировых проблемах? Климатическом кризисе? – вздохнул он.

– На самом деле мы обсуждали, какие ягоды вкуснее, – обиделась я. – Если тебе так уж хочется знать, то Марьям нравится клубника, а мне – брусника.

Марьям и сама похожа на клубничку – такая милая и мягкая. А я скорее на бруснику – горьковатая и твёрдая.

Вот об этом я сидела и думала, когда папа вдруг похлопал меня по голове:

– Эй, Астрид!

– Что? – очнулась я.

– Я уже давно тебя зову.

– Я не слышала.

– Я заметил. Чем ты занята?

– Думаю.

– Кончай это дело и спускайся вниз, поможешь накрывать на стол. Сегодня у нас лазанья.

За ужином стул Данте пустовал. И это бросалось в глаза. Он пустует с тех пор, как Данте со своей девушкой Софи переехали в Лунд. На его месте за столом теперь возвышается гора газет. Папа просматривает в день по крайней мере три розовые газеты, там пишут про экономику, а мама читает глянцевого журналы, где рассказывается о разных книгах, а на обложках красуются портреты взлохмаченных писателей в очках и непременно в большой чёрной оправе.

– Я скучаю по Данте, – вздохнула мама, печально глядя на стопку газет.

– Может, нам пора сдать макулатуру, как это делают нормальные люди, – сказал папа, снял газеты со стола и переложил на пол.

– А я ещё больше скучаю по Софи, – сказала я. – Она такая добрая и всегда делает мне подарочки.

– Уф, это что – всё или... – пробормотал Юлле, подбирая с тарелки последние крошки лазаньи.

– Что значит «всё»? – спросила Бланка.

– Ну, вся еда?

Юлле – мастер поесть, но не мастер разговаривать по-человечески. Когда ему нужно хоть немножко с нами пообщаться, он хмыкает, стонет и закатывает глаза, словно у него всё тело чешется.

– Ещё салат остался, – улыбнулась мама.

Юлле с недоумением посмотрел на неё:

– Салат? Это же для кроликов.

– Тогда возьми бутерброд, – предложил папа. – И не забудь поставить будильник на мобильном, чтобы завтра не проспять.

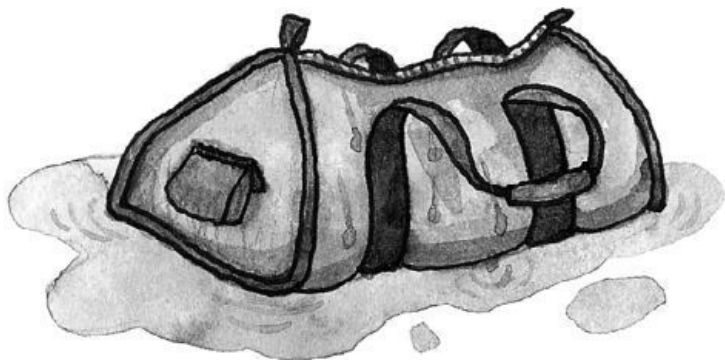
Юлле только вздохнул и совсем сник. Казалось, он вот-вот заснёт. Иногда он просто бесит.

– Твой спортивный костюм, во всяком случае, выстиран, – сказала я, доедая свою порцию лазаньи.

– Что? Как это? – удивился Юлле.

Он проследил за моим взглядом и увидел в кухонное окно свою спортивную сумку. Она была полнёхонька воды, хоть

запускай туда золотых рыбок.

– Почему ты мне ничего не сказала?! – крикнул он и выскочил из-за стола.

– Я не подумала об этом.

– Но Астрид! – возмутилась мама.

– Что «но Астрид», – прошипела я. – С таким же успехом ты можешь сказать «но Юлле»!

– Ладно, – вздохнула Бланка. – Вы друг друга стойте. Если хочешь знать, Астрид, твой мешок для сменки пролежал за комодом всё лето. Вместе с грязной одеждой.

– Ах, вот он где! Спасибо, Бланка! А я-то его искала!

– Я всё выстираю, – пообещал папа. – Дай-ка мне и свою

одежду тоже, Юлле, я и тебе помогу, — добавил он, когда Юлле вернулся с промокшей насквозь сумкой.

— Бланка, ты пойдёшь завтра в школу вместе с Астрид? — спросила мама, убирая со стола.

— Вот ещё, — буркнула я. — Я пойду с Марьям. Как всегда.

Вечером я достала дневник, который мне подарила бабушка. Она уверяет, что полезно выговориться время от времени на бумаге и что потом, спустя годы, интересно будет всё это читать.

Мне не очень-то хотелось снова увидеть фрёкен Гину, уж больно она занудная, это я и записала. А потом ещё добавила, что жду не дождусь встречи с Марьям. И с Гудисом.

Глава 2

Марьям жила наискосок за лугом совсем рядом со школой. Когда я зашла за ней и позвонила в звонок, за дверью раздался собачий лай. Это был Гудис.

Открыл папа Марьям. Он что-то пробормотал и даже «привет» толком не сказал, хотя мы давно не виделись. На самом деле он очень странный – похлеще нашего Юлле. Зато Гудис был рад мне, принялся прыгать вокруг и вилял хвостом как сумасшедший. Он был такой же милый, как прежде, хоть и подрос и уже не выглядел щенком.

– Марьям, ты готова?! – крикнул папа, пыхтя своей вечной сигарой.

Я терпеть не могу табачный дым, так что попятилась от входной двери, чтобы увернуться от облака сигарного дыма. Гудис потрусил за мной, и я почесала его под подбородком, он это любит. А папа остался стоять, смотрел на меня и сосал свою сигару.

– МАРЬЯМ! – вдруг гаркнул он во всё горло. Это прозвучало словно залп из пушки, но, по крайней мере, заставило Марьям спуститься.

Я обалдела, когда она появилась. Она так себя разукрасила, что я едва её узнала. Моя подруга стала похожа на куклу-манекен для макияжа – с золотыми тенями и толстым слоем блеска для губ. Брови нарисованы чёрными дугами,

а ресницы – такие тяжёлые от туши, что слипались, образуя большие комки.

– Ой, – выдавила я.

– Привет, – кивнула Марьям.

Я хотела подойти и обнять её, как прежде, но она поспешно нагнулась и затолкала Гудиса в дом.

Мы немного опаздывали, и я прибавила шагу, но Марьям не могла идти быстро. На ней были узкие белые джинсы и золотые босоножки на высоченных каблуках, и ей приходилось семенить. А я была в джинсовой куртке и новеньких баскетбольных кедах, которые папа привёз из Америки, так что мы совсем друг на друга не были похожи.

– Что ты делала на каникулах? – спросила я, чтобы начать разговор.

– Мы были на Ривьере, – ответила Марьям. – У нас был собственный бассейн. А ты?

– Мы были за городом, – сказала я.

– Всё лето?

– Да. Это было суперски.

– Ну-ну. Окей.

Больше она ничего не сказала. Она еле ковыляла на своих каблучищах, так что не сводила глаз с асфальта. Я тоже не знала, о чём ещё говорить.

– Гудис так вырос, – сказала я, помолчав немного.

– Хм, – буркнула Марьям.

– В этой четверти мне не надо будет оставаться на про-

длёнку, – добавила я.

– Знаю, – ответила Марьям. – Ты с ней разделалась в прошлом году.

Я украдкой на неё посмотрела, но она глядела прямо вперёд, словно меня и не было вовсе.

Это была не прежняя хихикающая болтушка. От косметики рот и глаза у Марьям казались огромными. Вообще-то она выглядела вполне мило, только я её не узнавала. Это была какая-то другая, взрослая, Марьям.

– Как ты классно нарядилась, – попробовала я ещё разок завязать разговор.

Тогда она посмотрела на меня и улыбнулась.

– Одна девица на ютубе даёт отличные советы по макияжу. Я её часто смотрю, – сказала она.

– Окей. Покажешь как-нибудь?

– Не думала, что ты этим интересуешься. Тебе бы всё книжки читать да зубрить названия столиц разных стран.

Я не знала, что ответить. Я и правда не так часто смотрела ролики про макияж, как Марьям. Когда она запускала третье или четвёртое видео подряд, я обычно брала книгу или включала своё географическое приложение, из которого, например, узнала, что Луанда находится в Анголе, а Уагадугу – в Буркина-Фасо.

А Марьям так до сих пор и не выучила ни одной столицы, хоть я ей много раз показывала приложение. Она даже не способна запомнить, что столица Монголии – Улан-Батор, хотя это такое смешное название, ещё смешнее, чем Уагадугу.

Но зато Марьям показывала мне кучу всяких клипов.

– Что-то случилось? – спросила я, когда мы подошли к школе, а Марьям по-прежнему молчала и была какая-то странная.

– Нет. Ничего.

– Если хочешь, заходи ко мне домой после уроков, когда бабушка придет, – пригласила я.

Марьям сверкнула на меня взглядом, будто сомневалась, как ответить.

– Не знаю, получится ли. Я договорилась с Элли, что мы с ней вместе будем ходить на продлёнку.

Только она это сказала, как на школьном дворе появилась Элли. Я прямо обалдела: с ней произошла та же перемена, что и с Марьям.

Она, покачиваясь, скользила в лиловой блестящей майке и узких белых джинсах. На ногах у неё были серебряные босоножки на высоких каблуках.

Элли заметила Марьям и радостно ей махнула. Зелёные тени и розовая помада Элли блестели на солнце.

– Марьям! Наконец-то! – завопила она и направилась к нам.

– Элли! – крикнула Марьям восхищённо. – Иди скорей! Обнимемся!

Они бросились друг другу в объятия и принялись кружить по школьному двору – круг, ещё круг и ещё. Они громко смеялись и болтали, точь-в-точь как Бланка и Натали, меня тогда так и подмывало сказать им: «Успокойтесь и ведите себя прилично». Я словно окаменела – стояла и глаз не могла оторвать. Марьям и Элли принялись поправлять друг другу причёски, я слышала, как они сравнивают свою одежду, их хихиканье разносилось на весь двор. Мне всё больше становилось не по себе.

Прозвенел звонок, а они всё ещё стояли и щебетали. Наконец Марьям, вдруг вспомнив про меня, повернулась и взяла за руку:

– Знаешь, не обижайся, но мы больше не будем вместе ходить в школу.

– Почему?

– Я теперь буду с Элли ходить. А втроём не получится.

– Но я же всё равно хожу мимо, – пролепетала я, ничего не понимая. – А Элли живёт на другой стороне от школы.

– Теперь всё будет иначе, – отрезала Марьям и потянула Элли к дверям школы.

Глава 3

Не так-то просто устроить себе по-настоящему приятный час размышлений, когда твоя лучшая подруга вдруг больше не хочет с тобой дружить. Как я ни старалась, в голову лезли одни грустные мысли.

И не важно, что у меня такая замечательная комната, а письменный стол большой и в меру замусоренный и что я могу слушать Мириам Брайан так громко, что стёкла в окнах дребезжат. Я просто лежала на полу с тяжёлым камнем на сердце и думала: «Ну почему, почему, почему?»

– Привет, Астрид! – Это папа просунул голову в дверь. – Как дела в школе? Почему ты на полу?

Я не могла ему ответить. Казалось, что тело моё всё из расплавленного олова.

Первый школьный день был каким-то нереальным. Марьям словно приклеилась к Элли, а мне за весь день – ни словечка. В столовой они вместе с Рафаэлем и Яннисом уселись подальше, а мне пришлось обедать с Вибекке, и она без умолку болтала про шетлендского пони, на котором каталась всё лето.

Стоило мне посмотреть на Марьям, она тут же отворачивалась и принималась вместе с Элли хохотать.

– Тебе грустно? – спросил папа.

Я кивнула.

– Что стряслось?

– Марьям больше не хочет ходить со мной в школу. Она теперь дружит с Элли.

– Ясно, – сказал папа. – А втроём дружить вы не можете?

– Конечно нет.

Я расплакалась. Не прошло и десяти секунд, как Бланка, у которой слух как у слона, заглянула в комнату.

– Почему Астрид плачет?

– Марьям не хочет больше ходить с ней в школу, – объяснил папа.

– Марьям? Я её видела сегодня. Ну она и размалевала себя!

– Это у неё такой новый стиль, – всхлипнула я.

– Тоже мне стиль! Да наплюй ты на неё!

– Может быть, это не так просто, – сказал папа.

Они сели на пол рядом со мной. Папа был похож на печального пса. Он жевал снюс и похлопывал меня по руке. А потом пора было готовить ужин.

Мы втроём спустились в кухню. Бланка помогала с картофельной запеканкой, а я нарезала помидоры. Но, когда мама пришла домой и мы сели за стол, я была совсем не голодная.

– О нет, Астрид, неужели в твоём классе теперь начнутся интриги! – огорчилась мама, когда узнала, что случилось.

– Похоже на то, – ответил папа.

– Как неприятно, – вздохнула мама и обняла меня.

Ну почему всё так неудачно складывается!

Посреди ужина явился Юлле. Он почти всегда опаздывает, хотя, может, это и к лучшему, когда дело касается ужина. Потому что, если бы он приходил вовремя, то съедал бы всю еду и другим бы ничего не оставалось.

– Милый Юлле, предупреждай, когда задерживаешься! – раздражённо сказала мама.

– Что это вы такие мрачные? – спросил Юлле.

– У Астрид небольшие проблемы, – объяснил папа.

– Что? Кто тебя обидел? Кому мне надавать по шее?

– Марьям из третьего «Б», – дoloжила Бланка.

– Марьям? Всего лишь Марьям? Что же она сделала? Да наплюй ты на неё! Астрид, хочешь я её к тебе припечатаю? Без проблем! – усмехнулся Юлле.

– Прекрати! – перебил его папа. – Такие дела решают словами, а не дракой.

– Астрид, советую тебе на время успокоиться и найти себе другую подругу, – сказала мама поспешно.

– И кого же? Мне никто больше в классе не нравится! – прошипела я.

– Может, Вибекке? – предложила мама. – Она милая, мне кажется.

– Вот сама и дружи с ней! И разговаривай о шетленд-

ских пони, готландских лошадаках и фьордских лошадах, если считаешь, что это так уж интересно. А я не хочу! – выкрикнула я и убежала к себе в комнату.

Я улеглась на кровать и злилась на весь белый свет. Больше всего на Элли, которая увела у меня подругу. На Марьям, не хотевшую со мной дружить. И на маму за её дурацкие советы.

На Бланку я тоже немного злилась, и на Юлле, хоть он и предложил поколотить Марьям. На старших братьев и сестёр можно злиться сколько угодно, они вечно тебя то задирают, то дразнят, когда меньше всего этого ждёшь, так что приходится постоянно быть начеку.

Кто-то постучал.

Папа открыл дверь и вошёл. Он принёс поднос с чашкой чая и двумя горячими тостами.

– Ты ничего не ела, так что я поджарил тебе парочку тостов, – сказал он.

– Они с крыжовенным вареньем?

– Да, бабушкиным.

Он поставил поднос на тумбочку и чуть не сбил рамку с фотографией, где мы вместе с Марьям, когда были маленькими – может, года четыре всего. У нас одинаковые хвостики, и мы лежим на огромной куче разноцветных листьев. Я привыкла, засыпая, смотреть на эту фотографию. Но теперь схватила её и швырнула в угол.

– Ну почему?! Что я такого сделала?! – крикнула я.

– Ты? Ты же ничего не делала!

– Тогда почему Марьям не хочет больше со мной дружить?

Папа присел на край кровати. И стал теребить усы – он так всегда поступал, когда думал о чём-нибудь важном.

– Знаешь что, Астрид? – сказал он немного погодя. – Эта ваша дружба с Марьям, она не может вот так разрушиться в одночасье.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне кажется, Марьям теперь себя испытывает. Может, ей хочется иметь больше друзей, и в этом всё дело.

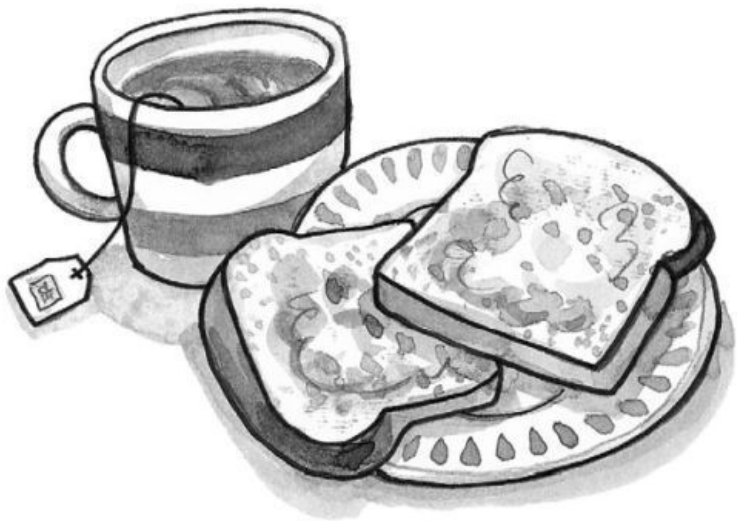
– Почему она испытывает себя именно со мной? – спросила я.

– Я понимаю, Астрид, больно, когда тебя бросают.

– Но что же мне делать?

– Тут ничего не поделаешь, – сказал папа. – Просто оставайся такой же чудесной, весёлой выдумщицей. Той Астрид, которую я так люблю! У меня есть предчувствие, что Марьям со временем вернётся. А теперь ешь!

Хоть я и горевала, но голод не тётка, а чай с жареными тостами – лучше всего на свете. Я бросила в чашку четыре кусочка сахара, что лежали на подносе. Папа решил остаться и посидеть со мной, чтобы составить мне компанию.

– Да пусть она валит, куда хочет, – проворчала я, отхлебнув крепкого сладкого чая. – Только как бы ей не споткнуться на высоченных каблучищах и не заработать растяжение. И поделом ей тогда!

– Я понимаю, что ты чувствуешь, – сказал папа. – Жизнь бывает несправедлива.

Когда папа ушёл, я отправилась чистить зубы. А потом улеглась и прижала к себе мишку Топы. Он-то, по крайней мере, друг надёжный. А Марьям пусть проваливает.

Глава 4

Вообще-то мне школа нравится, хотя задания там для меня слишком простые. Учёба мне даётся легко. Как и всем в нашей семье. Кроме, может быть, Юлле. Если он, конечно, этого не скрывает. Мне достаточно всего разок что-то прочитать или услышать, и я сразу всё запоминаю.

В парте у меня лежит гора книжек. Если я справляюсь с заданиями раньше остальных, Гина разрешает мне посидеть и почитать на диване в конце класса. А это случается довольно часто, потому что мне не надо, как Янне, целую вечность раздумывать над десятком простеньких примеров по математике, или зубрить, как Адаму, написание слов «самолёт», «молоко» и «лестница».

Мне нравится читать, пока в классе стоит тишина, и узнавать о том, о чём другие понятия не имеют. В книге о драгоценных камнях, например, я прочитала про бериллий – это такой суперлёгкий металл, который есть в изумрудах. А ещё про хром – он придаёт рубинам красный цвет.

Но в этой четверти в школе всё по-другому. Изменились не только Марьям и Элли. Яннис и Рафаэль стали совсем неугомонными. Они и секунды не могут посидеть спокойно, постоянно безобразничают. Мне тоже трудно усидеть на одном месте, но я же не кричу. С каждым уроком становится всё хуже и хуже, а иногда поднимается шум и гам, как на пе-

ремене, тогда мне и на диване нет покоя.

Когда я рассказала папе про этот постоянный галдёж, он дал мне наушники, чтобы я надевала их в разгар бури. И это сработало: так я хотя бы не слышу вечную болтовню Марьям с Элли. Они словно приклеились друг к другу.

Но всё-таки я скучаю без Марьям. Грустно одной идти в школу. И в классе место рядом со мной пустует, потому что она пересела к Элли. Я терпеть не могу, когда Вибекке за обедом рассказывает о разнице между чистопородными и нечистопородными арабскими лошадьми, уж лучше слушать, как Марьям оценивает ароматы разных блесков для губ.

Как-то раз утром, толком не проснувшись, я направилась через луг к дому Марьям, но на полпути вспомнила, что она больше не хочет ходить со мной в школу. Пришлось поворачивать назад.

Когда я вошла в калитку, Марьям и Элли были уже на школьном дворе. Прогуливались за ручку и болтали без умолку, не обращая на меня никакого внимания. Я уставилась на Марьям, чтобы заставить её хотя бы поздороваться со мной. Но она отвернулась. А потом прозвенел звонок.

– Все в класс, – позвала Гина. – И потише, пожалуйста.

Она стояла у доски, и у неё была цветная прядь в чёлке. За лето она так и не отделалась от этой дурацкой привычки. Сегодня прядка была серебристо-синяя и напомнила мне про аквамарин и про то, что бериллий есть и в этом драгоценном камне. А потом я словно загипнотизированная следила, как чёлка Гины подпрыгивала в такт её словам, которые лились у неё изо рта монотонно и усыпляюще.

– Астрид! Астрид! – вдруг крикнула Гина. – У тебя будет новый сосед по парте. У нас в классе новенький. Его зовут Амир.

– Ага, – сказала я и даже немножко занервничала: не люблю перемен, я уже привыкла сидеть за партой одна. Это совсем неплохо – можно спокойно смотреть в окно, пока Гина повторяет то, что уже объясняла.

Когда Гина сообщила о новеньком, в классе поднялся

страшный переполох, и, сколько она ни шикала, шум не утихал. Но вот открылась дверь, и вошёл мальчик. Все замолчали и уставились на него.

Он был высокий, выше всех в классе, и здоровенный, как семиклассник. На носу – очки, а волосы длинные и кудрявые. Одет он был в шорты и футболку, хотя уже настали осенние холода. Вдруг он расплылся в улыбке от уха до уха.

– Это здесь третий «Б»? – громко спросил он, озираясь по сторонам.

– Амир? – уточнила Гина. – Добро пожаловать.

Мальчик подошёл к Гине и протянул ей руку. Я словно замороженная следила, как они здоровались. Чёлка Гины закачалась ещё сильнее, а рот задёргался – так обычно случилось, когда она нервничала или чувствовала себя неловко.

Амир продолжал трясти её руку – вверх-вниз, вверх-вниз.

Казалось, что рука вот-вот оторвётся. По классу пролетел ропот.

– Садись вон там, рядом с Астрид, – выдохнув, сказала Гина, когда Амир наконец выпустил её руку.

В три гигантских шага он оказался у моей парты и отодвинул стул, не поднимая его. Стул так противно заскрипел, что мне пришлось зажать уши.

Я подозрительно посмотрела на новенького, и он снова расплылся в улыбке, показав брекетy на верхних и нижних зубах.

Потом схватил мою руку и тоже потряс. Мне показалось, что я слышу, как трещат мои кости, но тоже со всей силы сжала его руку. Амир стиснул мою ещё крепче. А потом ослабил хватку. Я уставилась на него.

Гина кашлянула.

– Может, расскажешь что-нибудь о себе, Амир? – спросила она вкрадчиво.

Амир встал. Громко, чтобы никто не пропустил ни слова, он произнёс:

– Моя семья приехала из Сирии. Мы жили в Алеппо. Мы бежали, когда мне было два года, поэтому я ничего не помню. Потом мы жили в Линчёпинге, до того, как переехали сюда. Я говорю по-шведски, по-арабски, по-английски и по-французски. Играю в шахматы и на трубе. Люблю играть в «Майнкрафт» и, когда вырасту, стану разработчиком игр или профессиональным баскетболистом. Тогда я буду жить

в Лос-Анджелесе, у меня будет большой бассейн и огромный холодильник с кока-колой. В Америке все холодильники громадные.

Закончив свою речь, он сел на место и снова со скрипом пододвинул стул. Никто не проронил ни слова.

– Что ж, ладно, – сказала Гина.

Амир положил на парту карандаш, чёрный блокнот и ластик. Потом повернулся ко мне, словно ждал, что я что-нибудь скажу.

– У тебя странный акцент, – пробормотала я первое, что пришло в голову.

– Так говорят в Эстергётланде, – объяснил Амир и громко рассмеялся, словно закудахтал. – Линчёпинг находится в Эстергётланде. Там все так разговаривают.

– А ты можешь есть с этими штуками? – не удержавшись, спросила я, потому что не могла отвести взгляд от его бректов, которые блестели всякий раз, когда он открывал рот.

– Всё, кроме хрустящих хлебцев.

На уроке Гина рассказала о древнеримской империи, она только что посмотрела об этом документальный фильм. Амир тоже видел этот фильм и четырнадцать раз поднимал руку, чтобы задать вопрос или поправить её.

На перемене Амир ходил со мной, словно мы лучшие друзья. И всякий раз, когда я на него смотрела, радостно улыбался. Но я не улыбалась в ответ, потому что не привыкла улыбаться тем, кого совсем не знаю. Но новенький словно не

обращал на это внимания и всё равно выглядел счастливым. А мне показалось, что он очень навязчивый.

Ребята из класса играли в баскетбол, и я присоединилась к ним. Амир тоже вышел на площадку и сразу повёл мяч. У него здорово получалось. Руки у него были длинные, так что он ловко управлялся.

Марьям и Элли сидели на скамейке возле площадки. Обе в босоножках на каблуках, хотя было уже холодно. Пока мы все пытались забросить мяч в корзину, они жевали жвачку, выдувая один пузырь за другим, и явно скучали. Прошлой весной Марьям всегда играла с нами, ей нравился баскетбол.

– Почему ты больше не играешь? – спросила я чуть с вызовом, пробегая мимо.

Марьям ничего не ответила, только посмотрела на Элли и закатила глаза. Не понимаю, как можно сначала что-то очень любить, а потом вдруг разом разлюбить? Или у неё изменился вкус, потому что Элли не любит баскетбол? Элли вообще не нравятся игры с мячом, наверное, она совсем его не чувствует и даже гимнастический мяч поймать не может.

– Астрид, лови! – крикнул Амир.

И в следующий миг в меня полетел баскетбольный мяч, да так быстро, что я не успела его поймать. Он пролетел мимо и угодил в Марьям. Прямо ей по носу.

– Ай-ай! – вскрикнула Марьям и схватилась за лицо.

– Ой, извини, – сказал Амир, но не похоже было, чтобы он огорчился.

Он взял мяч и швырнул мне:

– Астрид, назад! Назад!

Так Марьям и надо, подумала я, поймав мяч.

Я быстро повела его, обошла противника и передала мяч Амиру. Через секунду он сделал бросок, и мяч почти бесшумно проскользнул в корзину.

– Дай пять, Астрид! – сказал Амир на радостях.

Я со всей силы ударила ладонью о его ладонь. Здорово, что он такой высокий.

Мы с Амиром продолжали играть, а Марьям ушла в школу, и Элли вслед за ней. Не знаю, чем они там занимались. Может, снова поправляли макияж в туалете, потому что на уроке веки у Марьям блестели до самых бровей. Может, на ком-то это и смотрелось бы красиво, но только не на ней.

Глава 5

– Астрид, иди скорее!

Бланка уже стояла наготове с велосипедом у школьной ка-литки и махала мне. Только что прозвенел звонок, и нам по-ра было на гимнастику.

Я закрепила спортивный мешок на багажнике и запрыгну-ла в седло. Краем глаза я увидела, как Марьям и Элли, дер-жась друг за дружку, поковыляли на продлёнку. Меня ока-тило волной ревности. Не то чтобы я хотела вернуться в ту тюрюгу, которая называется продлёнка, конечно нет. Но мне бы тоже хотелось идти под ручку с Марьям, как это было раньше.

Я почти догнала Бланку, когда заметила, что кто-то едет рядом со мной, совсем близко.

Это был Амир.

– Астрид, я нашёл твою тетрадку по математике! – про-пыхтел он.

Я затормозила. Он протянул тетрадь.

– Она валялась на полу среди ботинок. Но ведь надо ещё домашнее задание делать, – напомнил Амир и ослепительно улыбнулся.

– Ага, спасибо, – пробормотала я.

– До завтра! – крикнул Амир и укатил прочь.

Я догнала Бланку, и мы отправились на тренировку.

В спортзале уже вовсю шла разминка, и Авики² грохотал во всю мощь.

С тех пор как я стала ходить в группу Бланки, мне приходится стараться, чтобы не отставать от остальных. Хорошо, что я сильнее большинства, вот только самая негибкая.

Как только я закончила разминку, наш тренер Захе потянул меня к беговой дорожке. Он хотел со мной отдельно потренироваться.

Мне пришлось сделать столько рондатов и фляков, что на месяц хватило бы. Но Захе считал иначе.

– Теперь потренируем темповый фляк, – сказал он. – Пора тебе научиться. Начнём с двух подряд.

– Прямо сейчас? – спросила я, потому что раньше никогда их не делала.

– Да, у всего есть первый раз. Давай – рондат, фляк, фляк. Я слежу. Получится как получится.

– Ладно. Как получится.

– Ну, давай!

Я попыталась и попыталась представить, что надо сделать. Рондат, фляк и сразу ещё один. Я заметила, что некоторые старшие девочки стоят и смотрят на меня, и занервничала. Но подняла большой палец вверх и показала им.

– Давай же, Астрид! – крикнул Захе.

Сердце сильнее забилося в груди, я почувствовала, что

---

² Шведский диджей.

справлюсь, если хорошенько разбежусь. И я побежала, сделала рондат, фляк, но, когда надо было это повторить, вдруг замешкалась и, вместо того чтобы выполнить сальто назад, лишь подпрыгнула вверх и тут же упала на спину. Я опёрлась на руку, чтобы подняться. Хрясть! В руке что-то хрустнуло.

– Ой! Ой!

Я медленно вытянула руку вперёд. В ней что-то кололо, и боль резала, словно ножом. В то же время мне было обидно, что я струсила и не сделала фляк, так что я попробовала усмехнуться.

– Как ты? – спросил Захе.

– Уфф! – процедила я сквозь зубы, стараясь улыбаться. Только бы не расплакаться прямо в зале!

– Дай-ка погляжу, – сказал Захе.

Он осмотрел мою руку, она уже покраснела и начала опухать. Бланка тоже подошла.

– Что случилось?

– Я упала на руку, – простонала я.

– Бланка, отведи Астрид в раздевалку и остудите руку холодной водой, – велел Захе и помог мне встать на ноги.

Боль отдавалась в ладони и в руке, но я пыталась улыбаться. Представляю, какая была картинка, когда я плюхнулась!

Бланка открыла кран и стала лить ледяную воду мне на руку.

– Ты, наверное, её вывихнула, – сказала она.

Я простояла, держа руку под холодной водой, минут пятнадцать.

Бланка вернулась в спортзал, а Захе пришёл проверить, как я.

– Ничего опасного, – сказала я.

– Посиди и отдохни на скамейке, когда как следует охладись руку, – сказал он. – Боль скоро пройдёт.

Но боль не проходила. Конец тренировки я сидела и смотрела, как другие выполняли упражнения.

По дороге домой мне пришлось держать руль одной рукой, потому что другая очень болела. Я ругала саму себя: если бы я не растерялась, ничего бы не случилось.

Когда мы пришли, мама наводила порядок на кухне. Она нервничала, как бывает всякий раз, когда книга, которую она редактировала, должна уходить в печать. Мама волнуется, потому что всё должно быть в самом лучшем виде. Однажды она выпустила книгу, где под картинкой маленького ребёнка оказалась подпись «Оке, 67 лет», это было ужасно, так сказала мама.

– Привет, девочки! – крикнула она. – Можете разогреть себе пиццу, потому что мне надо проверить кое-какие картинки в почте. Включи духовку, Бланка.

– Я ушибла руку, – сказала я.

– Какую? – спросила мама, водружая ноут на стол и открывая крышку.

– Левую, – ответила я в тот самый момент, когда компью-

тер издал сигнал начала работы.

– Мама, ты же знаешь, что необязательно включать компьютер на полную громкость, – проворчала Бланка и поставила пиццу в духовку.

– Что ж, левую – не так плохо. Пиццу к тому же можно есть без ножа и вилки, прямо руками, – сказала мама. – Только не это! Она всё ещё не прислала картинки! Как можно быть такой копушей! – Мама надела очки для чтения и уставилась на экран.

Я пошла мыть руки.левой рукой я пошевелить не могла, так что осторожно намылила только ладонь. Когда я вернулась на кухню, мама была ещё больше раздосадована и стучала пальцами по клавиатуре.

– Мне очень больно, – пожаловалась я. – А что, если я сломала руку?

Шуух! – донеслось из маминого компьютера, когда она отправила кому-то сердитое письмо.

– Бланка, пахнет подгорелым, – сказала мама, не отрывая глаз от экрана.

– Разве надо ставить не на 275 градусов и гриль?

– Нет! При такой высокой температуре может загореться бумага снизу. Ну вот, наконец-то я получила картинки. Но... Нет, я так с ума сойду! Пойду позвоню, – сказала мама и ушла с мобильником.

– Ай, моя рука! – пожаловалась я громче. – Ай, как больно!

– Но Астрид, – сказала Бланка, – ты же говорила в спорт-зале, что ничего опасного нет.

– А вот и есть! ТЕПЕРЬ!

– Астрид, поешь немного, и тебе станет лучше! – крикнула мама из коридора.

Бланка положила пиццу мне на тарелку и помогла отрезать несколько кусков. Пока мы ели, я сидела и смотрела в окно, любуясь осенними красками – красными, оранжевыми и жёлтыми. Я люблю осень, но порой она наводит на меня меланхолию. Меланхолия – это когда грустишь без причины. Но теперь мне в самом деле было очень грустно и больно, грустно на сердце и больно в руке. Рука стала похожа на полено, так сильно распухла. Или на рождественский окорок. Деревянный рождественский окорок.

Мама вернулась и схватила мою пиццу, оторвала кусок и затолкала в рот:

– Господи, как же я проголодалась! Покажи-ка руку. Больно? А где же Юлле?

– Мне в самом деле чертовски больно, – проворчала я. – Спорим, что это перелом. А кто-то преспокойно ест чужую пиццу!

– Не чертыхайся, – сказала мама и отщипнула теперь от куска Бланки.

– Мне *чертовски* больно! – повторила я. – Да ты сама всегда чертыхаешься!

– Какие страсти! – вздохнула Бланка.

– Ну, немножко опухла, – сказала мама. – Но явно не перелом, иначе бы ты давно уже потеряла сознание. Хватит с нас уже гипсов. Достаточно того, что Юлле учудил весной – соорудил себе фальшивый гипс!

Бланка рассмеялась. А мне было не до смеха.

– А теперь надо всё-таки отправить эту чёртову книгу в печать, – проговорила мама и уткнулась снова в компьютер. – Папа уложит вас спать.

Когда папа пришёл домой, он дал мне таблетку от боли и осмотрел руку.

– Нет, она не сломана, – сказал он. – Иначе бы она неестественно выгнулась, а ты бы не смогла говорить нормально.

– Но мне больно, – пожаловалась я.

– Ну, ты в самом деле сильно ушиблась. Завтра всё пройдёт, вот увидишь.

Но наутро ничего не прошло. Рука горела и болела, и я с трудом оделась. Во время обеда Амир помог мне донести поднос до стола. Гина, увидев это, подошла и спросила, в чём дело.

– Ты какая-то бледная, Астрид, – заметила она.

– Я вывихнула руку, – сказала я.

– Сходи к школьной медсестре, если тебе больно.

– Я пойду с тобой! – вызвался Амир, прежде чем я успела остановить его.

Осмотр медсестры занял две секунды.

– Здесь нужен рентген, – сказала она. – Сейчас же. Кому

мне лучше позвонить – маме или папе?

– Папе, – ответила я, потому что не решалась беспокоить маму, она и так была вся на нервах из-за работы.

Папа, когда пришёл, казался очень встревоженным. В машине по дороге в больницу он всё молчал и лишь время от времени посматривал на меня. Мне было так больно, что я и сама едва могла говорить.

К счастью, мы быстро попали на рентген.

– И сколько же ты так проходила? – спросил доктор.

– Со вчерашнего вечера, – ответила я.

– Целые сутки? Ох! Очень плохо, – сказал он и покачал головой.

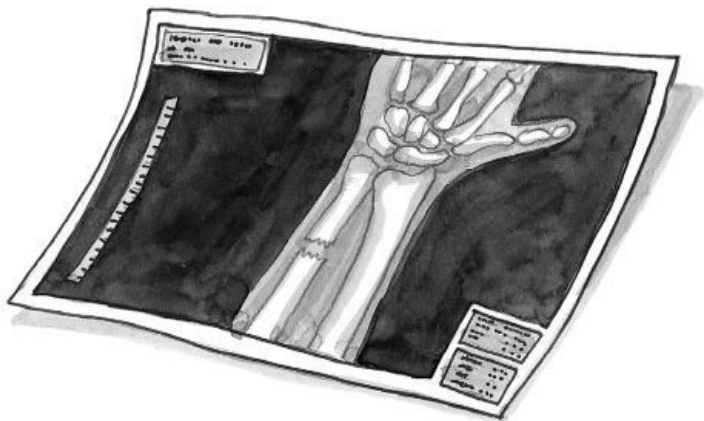
Папа засунул снюс под губу и откашлялся.

– Да, у тебя перелом, – сказал доктор. – Видишь, вот здесь на снимке – перелом прямо у запястья.

– Я так и знала! – выпалила я. – Что я говорила!

– Придётся наложить гипс, – сказал доктор.

Я с торжеством посмотрела на папу, но он избегал моего взгляда. Он очень внимательно рассматривал рентгеновский снимок, где скелет моей руки и ладони был похож на жутковатые кусочки костей на чёрном фоне.

Снимок показался мне очень красивым, и мне дали его с собой. Повешу его на доску объявлений рядом с картой мира.

Гипс был приятным – влажным и прохладным. Немножко похоже на то, как мы с Марьям делали в детском саду отпечатки наших рук.

Пока гипс высыхал, я успела посмотреть по телевизору несколько серий про покемонов.

Когда мы вышли из больницы, папа решительным шагом направился в кафе напротив.

– Теперь попьём кофе, – сказал он. – Заказывай что хочешь. А потом пойдём в книжный магазин, и ты выберешь

себе книжки.

Папа сидел и смотрел на меня печальными собачьими глазами, пока я уписывала огромный шоколадный бисквит. Ему так было жалко меня, что он даже не проверял биржевой курс по мобильнику, хотя обычно делает это каждые четверть часа.

Глава 6

– Это лучевая кость, да? – спросил меня Амир, когда я на следующий день пришла в школу и завернула вверх рукав куртки. Адам, Вибекке, Яннис, Рафаэль и другие одноклассники с интересом окружили меня. Всем хотелось потрогать гипс.

– Кажется. Я не очень-то слушала, что говорил доктор.

Вдруг я заметила в толпе лицо Марьям. Я чуть не подскочила от удивления, когда она наклонилась, чтобы рассмотреть мою гипсовую повязку.

– А как долго тебе ходить в гипсе? – спросила она.

– Доктор сказал, шесть недель.

– А гимнастикой сможешь заниматься? – поинтересовалась она.

Потом выпрямилась и отступила назад. Я обернулась. Там стояла Элли, на шее у неё красовался блестящий пёстрый платок. Не говоря ни слова, она взяла Марьям и увела прочь. Скоро они уже громко наигранно хихикали в углу школьного двора, изображая какой-то дурацкий танец. Я почувствовала, как во мне всё закипает. Захотелось подойти и треснуть Марьям по голове портфелем, а потом, может быть, двинуть и Элли заодно, раз уж я так распалилась, но я осталась стоять на месте и просто злилась всё больше и больше.

– Хочешь, напишу что-нибудь по-арабски? – предложил

Амир, взмахнув карандашом.

– Что?

– Могу написать что-нибудь прямо на гипсе. Классно получится.

– Ладно, напиши: «Меня зовут Астрид».

Амир стал выводить извивающиеся буквы. Получилось очень здорово. Потом он нарисовал несколько звёздочек и полумесяцев, а я добавила цветы и листья. Остальным тоже захотелось украсить мой гипс, но, когда Вибекке вызвалась нарисовать арденскую лошадь, я сказала «нет», так что она ограничилась одной подковой.

Когда прозвенел звонок, моя повязка уже была похожа на настоящее произведение искусства, а злость совсем испарилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.